

ИСТОРИЯ НАУКИ

Е.В.Власова

И.К.СУРУЧАН И ЕГО МУЗЕЙ

Е.В.Власова. И.К.Суручан and his museum.

In the last quarter of the 19th century I.K.Suruchan (1851-1897) created the Museum of antiquities in Kishinev where he lived. In his museum there were different antiquities. The major part of exhibits were found in the South of Russia. Some objects were found and bought by Suruchan in Egypt, in Greece, in Italy. I.K.Suruchan was interested in ancient history, in archaeology and he took part in archaeological excavations. He learned ancient Greek and studied inscriptions found in the South of Russia and ancient authors' records. Unfortunately, after his death his museum was liquidated by his widow and all collections were sold out.

Иван Кассианович Суручан — это сейчас почти забытое имя было хорошо известно в последней четверти XIX века всем исследователям античности в России, ведь этот человек был одним из крупнейших коллекционеров классических древностей. Этот бессарабский дворянин собрал богатейшую коллекцию антиков и в своем доме в Кишиневе создал музей, известный всем любителям древностей в России (Маркевич 1900: 49-51; Власова 1996: 53-56; Власова 1998: 61-64).

И.К.Суручан родился в декабре 1851 г. в Кишиневе. Его дед Иван и брат деда Тодор, сыновья Кассиана Суручана, имевшего молдавский чин «питаря», в 1813 г. купили землю в Оргеевском уезде; в 1821 г. его дед был признан дворянином и внесен в первую часть родословной книги дворянства по Оргеевскому уезду (РГИА, ф.1343, оп.29, д.8023). Отец умер, когда сын был ребенком. Его мать вышла замуж второй раз за Петра Михайловича Шумского, человека, который оказал огромное влияние на формирование личности И.К.Суручана. П.М.Шумский, человек всесторонне образованный, изучал историю, интересовался древностями и оказал большое влияние на увлечения и занятия своего пасынка. Уже в детстве И.К.Суручан стал коллекционером, начав собирать монеты. Первоначальное образование он получил сначала в Кишиневской гимназии, затем учился в частной гимназии в Одессе и, наконец, в Нежинском лицее князя Безбородко, который оставил по болезни.

И.К.Суручан жил в своем доме в Кишиневе. Он имел почетное звание члена попечительства детских приютов. Имея досуг и хорошее состояние, он использовал время и средства на приобретение древностей. В последней четверти XIX века, когда грабительские раскопки и торговля антиками на юге России достигли

огромного размаха, И.К.Суручан, стремясь спасти южнорусские древности от попадания в случайные руки и от вывоза за границу, по мере возможностей покупал их у торговцев и «счастливчиков» (так называли раскопщиков-грабителей), стараясь получить при этом наиболее полную информацию о месте находки. Он знал обо всех значительных находках древностей, о чем сообщал в Археологическую Комиссию. Так, в 1891 г. он телеграфировал туда о «расхищении первоклассных ольвийских золотых вещей», среди которых «ожерелье, бусы, венки, серьги, бляхи квадратные с медузой»; он сообщил имена грабителей¹, в результате чего в Одессу из Археологической Комиссии поступил запрос с требованием «доставить вещи для доклада Государю Императору» (Архив ИИМК, ф.1/1891, д.66, л.1-17).

И.К.Суручан заботился также о сохранении и поддержании в должном состоянии памятников старины. Например, узнав, что власти Аккермана решили снести средневековую крепость, он начал борьбу за ее сохранение, отмечая, что «на юге России города являются большей частью разрушителями своих же памятников». В результате его усилий этот памятник архитектуры был передан в ведение Императорского Одесского общества истории и древностей, а сам И.К.Суручан получил благодарность от Председателя Императорской Археологической Комиссии графа А.А.Бобринского (Архив ИИМК, ф.1/1889, д.22, л.31-37).

Постоянно приобретая древности, И.К.Суручан постепенно создал музей, который занимал флигель и часть дома в Кишиневе. Музей включал в себя скульптуру, надгробия, око-

¹Это были известные торговцы древностями жители Очакова братья Шапсель и Лейба Гохманы, у которых московский литейный заводчик Д.С.Посников купил эти вещи за 2500 руб.

ло 200 надписей, золотые и серебряные украшения, изделия из бронзы, геммы, около 12 тысяч монет, брактеты, терракоты, несколько сотен стеклянных сосудов, амфоры и другие керамические сосуды, клейма, бусы, изделия из дерева и кости. В основном это были античные древности, найденные на юге России: в древних городах Ольвии, Тире, Пантикапее, на острове Березань. Известно, что, помимо южнорусских древностей, в коллекции Суручана были вещи, найденные и купленные в Египте, Греции, Италии. Он поддерживал постоянные контакты с антикварами, российскими и иностранными, и сам выезжал несколько раз за границу. Иногда в его коллекцию попадали подделки (в то время на юге России их изготавливали в огромном количестве). И.К.Суручан даже пробовал несколько раз привлечь продавцов подделок к суду, но из этого, к сожалению, у него ничего не вышло.

У И.К.Суручана была также хорошая библиотека, содержащая много книг, среди которых были и справочные издания, и много рукописей. Для их приобретения он вел обширную переписку с антикварами, букинистами российскими и зарубежными. Он много читал, изучал историю и сведения древних авторов, стараясь реально найти то, о чем они писали, а также эпиграфические памятники. Иногда он делал доклады. Так, ему принадлежит «Реферат об ольвийской псефизме в честь Харзоаза» (Суручан 1882: 101-105), а на VI Археологическом съезде в Одессе он прочитал реферат «Опыт доказательства местонахождения скифского укрепления Алектора и Золотого Берега Константина Багрянородного» (Суручан 1888: 129-134).

И.К.Суручан был истинный любитель античности. Ни светское общество, смотревшее на такое коллекционирование с усмешкой, ни какие-либо развлечения не занимали его, и он проводил в своем музее дни, а иногда работал там по ночам, причем самостоятельно изучил древнегреческий язык, необходимый ему для занятий.

Двери музея всегда были открыты для ученых. Часть богатейшего собрания И.К.Суручана была опубликована. Отдельные находки были изданы В.Н.Юргевичем в «Трудах VI Археологического съезда» (Одесса, 1888, т.2: 31-32), керамические клейма опубликованы П.В.Беккером (Беккер 1879).

Он пробовал свои силы и как археолог. Например, в 1886 г. он сообщил в Императорскую Археологическую комиссию о грабительских раскопках курганов в районе древней Ольвии и предложил свои услуги, чтобы «заняться на средства Комиссии разрытием некоторых, близких к городу городищ, курганов и нетронутых еще частей бывшей городской площади, равно как определением направления городской стены». Получив разрешение и средства на раскопки, он в 1886 г. раскопал 10 курганов, которые, прав-

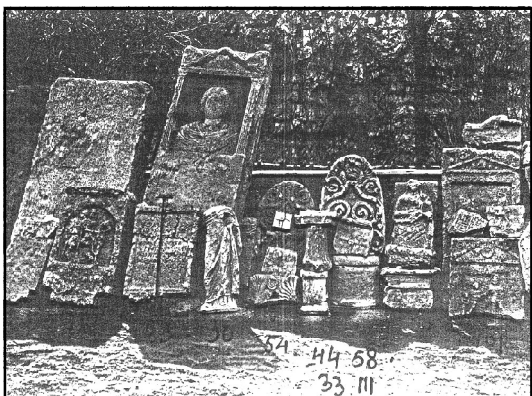
да, оказались ограбленными (ОАК 1886: СХ-СХIV). Сделанные Суручаном находки были переданы в Археологическую Комиссию, которая их передала в Российский исторический музей. Среди находок были «амфорные горла и черепки с греческими клеймами, алабастр, глиняный флакон, 2 бронзовые стрелки, бронзовая пряжка, костяная буса, клык, бронзовый гвоздь, 3 бронзовые монеты, 2 точеных костяных вещицы, золотой перстень, часть амфорного горла с клеймом» (Архив ИИМК, ф.1/1886, д.7, л.21,25, 26). В материалах о производстве археологических исследований Суручаном в Ольвии и ольвийских окрестностях в 1886-1887 г. (Архив ИИМК, ф.1/1886, д.22, л.1-45; ф.1/1886, д.67, л.13-20; ф.1/1886, д.68, л.11-17) имеется информация о расхищении Ольвии, есть опись сделанных Суручаном в Ольвии находок, есть подробнейший отчет Суручана о раскопках по дням и счет, сколько кому и за что уплатить² (для работ он нанимал 20 солдат).

Он также вел раскопки курганов в Бессарабии, и находки оттуда также пополняли его музей.

Часть надписей из коллекции Суручана были изданы отдельной книгой с помощью В.В.Латышева: «Inscriptiones Graecae et Latinae novissimis annis (1889-1894) museo Surutschaniano quod est Kischinevii inlatae. Ediderunt I.Surutschan (Acad.Rom.soc.hon.), V.Latyshev (Acad.Petrop.soc.ord.). Accedunt tabulae septem. Petropoli. Typis Academiae Caesareae Scientiarum. MDCCCXCIV». При подготовке к печати этой книги И.К.Суручан и В.В.Латышев вели в 1894 г. обширную переписку (Санкт-Петербургский архив Российской Академии Наук, ф.110, оп.2, д.53, л.1-11). По мнению Латышева, книга должна была иметь «местный, южно-русский характер, а потому две надписи из Рима и одну из Афин не следует в этом сборнике помещать» (там же, л.5). И.К.Суручан прислал В.В.Латышеву из Кишинева в Петербург фотоснимки, эстампажи, размеры и описания надписей и сам пытался трактовать надписи. Эта книга была опубликована в Петербурге в 1894 г. тиражом 350 экземпляров; 50 экземпляров книги Иван Кассианович отдал В.В.Латышеву, а 300 оставил себе.

Книга посвящена памяти Петра Михайловича Шумского. В нее вошло 37 надписей, найденных в Ольвии и на Боспоре; среди них 35 лапидарных памятников, а также свинцовое письмо и деревянный гребень с надписью. Надписи из собрания Суручана также вошли в тома I, II, IV собрания надписей Северного Причерноморья: «IOSPE (Inscriptiones Antiquae Graecae et Latinae Orae Septentrionalis Ponti Euxini)», изданного В.В.Латышевым. Эти издания и музей дали

² Среди расходов на зарплату дважды запись об угощении солдат водкой: 1.60 руб.

основание некоторым ученым обществам избрать Ивана Кассиановича Суручана своим членом. Он был почетным членом Румынской Академии в Бухаресте, действительным членом Одесского общества истории и древностей, Русского археологического общества и Киевского Церковно-Археологического Общества.

18 ноября 1897 г.³ И.К.Суручан умер от скоротечной чахотки. Преждевременная кончина не позволила ему обработать свои коллекции полностью и принять меры для их сохранения в будущем. К сожалению, он не успел составить даже каталог своего музея, хотя всю жизнь собирался это сделать. После смерти коллекционера при принятии мер охраны судебный пристав не описал всего музея, а ограничился лишь общей описью по помещениям⁴.

И в Археологической Комиссии, и в Академии Наук понимали, что крупнейшее собрание южнорусских древностей необходимо было сохранить для науки и передать в один из крупных музеев. «Было бы крайне жаль, — написал 2 декабря 1897 г. академик В.В.Латышев академику Н.И.Веселовскому, — если бы этот музей, для обогащения которого покойный не жалел ни средств, ни трудов, разошелся по рукам Гохманов и К^о, и если бы Археологическая Комиссия упустила бы этот редкий случай к обогащению разных наших древлехранилищ. Поэтому я и спешу поделиться с Вами полученною мною печальною новостью, чтобы Вы, переговоривши с графом А.А.Бобринским, могли, в случае его согласия, принять меры к обеспечению приобретения Комиссией этого музея» (Архив ИИМК, ф.1/1897, д.272, л.1). Председатель Археологической Комиссии граф А.А.Бобринский 11 декабря 1897 г. написал Ольге Христофоровне Суручан-Горонович⁵, вдове коллекционера, письмо с искренним соболезнованием и отметил рвение, с которым покойный муж ее «посвятил себя делу археологии»

³ Даты даются по старому летоисчислению.

⁴ Например, «витрина с вазами, ящик с монетами» и т.п.

⁵ После смерти И.К.Суручана его вдова вскоре снова вышла замуж, и ее фамилия стала Горонович.

и предложил ей свои услуги, если она согласна уступить «собрания И.К.Суручана Правительству для помещения оных в правительственный музей». «В этом случае, — обратился он к ней, — покорнейше прошу почтить меня уведомлением, дабы я мог, насколько возможно, облегчить Вам дальнейшее ведение этого дела» (там же, л.2). Вскоре вдова ответила ему: «Эта коллекция принадлежит не мне, а моим детям. Я, как опекунша, могу изъявить свое согласие на продажу всего музея, что, конечно, всегда готова сделать в том случае, если он при продаже поступает в ведение одного из крупных музеев... Если кто-нибудь из археологов пожелал бы предварительно ознакомиться с музеем, то он помещается во флигеле нашего дома в Кишиневе и во всякое время доступен для осмотра, за исключением нумизматики, брактеатов, золотых вещей и некоторых гемм и интересных стеклянных экземпляров, которые пока хранятся в моей кассе» (там же, л.3-4).

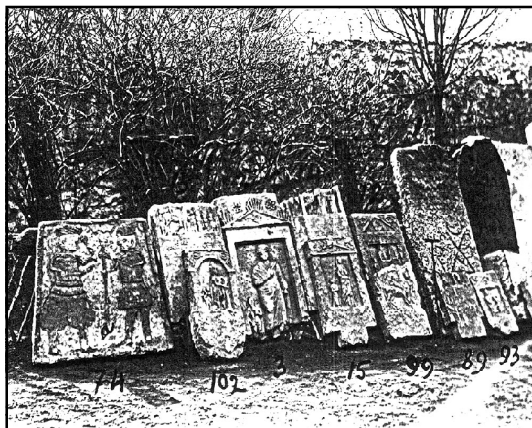
17 ноября 1898 г. Эрмитаж отправил в Археологическую Комиссию бумагу следующего содержания: «Императорский Эрмитаж имеет честь уведомить Комиссию, что из находящейся в городе Кишиневе коллекции вдовы И.К.Суручана Эрмитаж желал бы приобрести все те предметы, которые, по личному осмотру и выбору Старшего Хранителя по Отделению древностей г. Кизерицкого, оказались бы интересными и нужными для пополнения коллекций Эрмитажа» (Архив ИИМК, ф.1/1897, д.272, л.7). Вскоре граф Бобринский отправил официальное письмо вдове: «Милостивая Государыня Ольга Христофоровна, Императорский Эрмитаж уведомил меня, что из коллекции покойного И.К.Суручана он желал бы приобрести все те предметы, которые, по личному осмотру и выбору Старшего Хранителя по Отделению древностей г. Кизерицкого, оказались бы интересными и нужными для пополнения коллекций Эрмитажа, о чем считаю долгом довести до сведения Вашего. Примите уверение в совершенном почтении и преданности» (там же, л.8).

По указу 20 января 1899 г. (там же л.11-12)⁶, касающемуся судьбы вещей из музея покойного И.К.Суручана, вдове разрешалась продажа коллекции, но оговаривались различные детали продажи: «...Хотя обращение указанного музея в наличный капитал было бы весьма желательным в интересах малолетних детей покойного Ивана Суручана, но при этом нужно иметь в виду, что в числе предметов, составляющих музей, есть предметы, несомненно, принадлежащие к числу таких предметов, продажа которых... может быть произведена только с разрешения Правительствующего Сената, для

⁶ Документ озаглавлен: «Указ Его Императорского Величества Самодержавца Всероссийского». Сбоку от заглавия написано: «Копия». Указ подписал член Кишиневско-Сергеевской Окружной Дворянской Опеки Ив.Домнико-Иордаческо.

чего, само собою, в установленном порядке (через Г. Бессарабского Губернатора) должна быть представлена подробная оценочная опись с описанием свойства каждого отдельного предмета и оценкою чрез специалистов, применительно к требованию закона... Интерес малолетних, по взгляду самой опекуни, требует одновременной продажи всего музея, со всеми, входящими в его состав, предметами без остатка. Между тем, из представленного при ее рапорте отношения на ее имя Императорской Археологической Комиссии видно, что покупка для Императорского Эрмитажа предметов музея покойного Ивана Суручана может последовать только по выбору командированного специалиста, так что после этого все-таки может оставаться значительное количество предметов, в числе их, громоздких, требующих и помещения, и сбережения с неизбежными на то и другое расходами. Но в том или другом случае, то есть встретить ли возможность продать музей в целом его составе или окажется необходимым продать его часть, по выбору командированного Императорской Археологической Комиссией чиновника, необходима подробная опись с оценкою каждого предмета отдельно, обязательно чрез специалистов, так как продажа музея в настоящем виде... без точного определения свойства каждого предмета и даже без оценки... была бы явным нарушением интересов малолетних детей умершего Ивана Суручана и при том невозможна для испрошения разрешения Правительствующего Сената». Вдове предписывалось «озаботиться скорейшим составлением подробной оценочной музея чрез специалистов и опись представить в Опекунство вместе с указанием на номера, которые будут намечены к приобретению для Императорского Эрмитажа. Причем присовкупить, что для избежания расходов на наем помещения с отоплением и надзором за сбережением было бы весьма желательно найти способ продажи всех предметов музея без остатка».

Но шло время, продолжалась переписка, а дело с места не двигалось, так как на покупку коллекции И.К.Суручана не было денег. И тогда

вдова поручила известному торговцу древностями Ш.Д.Гохману продать вещи.

В письме из Одессы от 25 августа 1908 г. Э.Р.фон Штерн сообщил В.В.Латышеву следующее: «Коллекция покойного Суручана распродана во все части света (недавно видел интересный сосуд из этой коллекции в Берлине); имеются на лицо еще надписи. На днях явился ко мне известный торговец Шапсель Гохман и мне предложил купить камни и надписи из коллекции Суручана, ...и по его уверению надписи можно купить недорого. У нас вследствие переустройства музея нет средств, чтобы приобрести эти камни; с другой стороны, конечно, нежелательно, чтобы эти камни попали в частные руки или даже за границу; эти надписи Вам известны, но хранить оригиналы все-таки в интересах науки. Вот почему обращаюсь к Вам; может быть, Импер.Арх. Комиссия заинтересуется этим делом по приобретению для того или другого из наших музеев этих любопытных документов?» (Архив ИИМК, ф.1/1897, д.272, л.13-14).

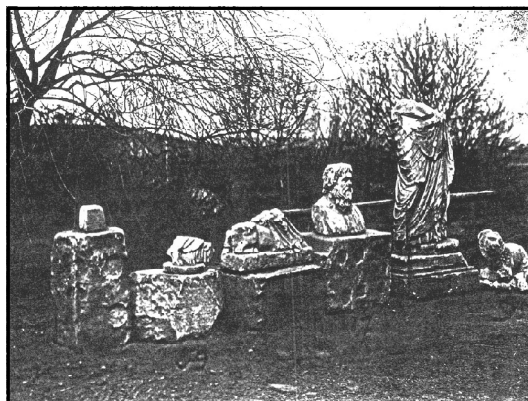
7 октября 1908 г. В.В.Латышев написал Гохману письмо с просьбой сообщить Императорской Археологической Комиссии список памятников, которые он собирается продавать, с указанием их цен (там же, л.15). В письме от 9 ноября 1908 г. Ш.Д.Гохман оповестил Археологическую Комиссию, что для продажи имеется около 50 эпиграфических и скульптурных памятников. «В число это входят большая прекрасная статуя, лев, торсы и проч.». Эти вещи торговец оценил в 8000 руб. и написал: «При продаже же их Комиссии, мы намерены довериться компетентной оценке Комиссии и ее авторитету. Подробного списка этих памятников я, к сожалению, составить не могу, так как я лишен возможности научного определения их названий и пр. Позволю себе рекомендовать Комиссии поручить кому-либо из ее членов осмотр этих памятников на месте, в имении г. Гороневича «Вадель-Воды» близ г.Кишинева» (там же, л.16). Он сообщил также о коллекции, что «порядочная часть ее как стекло, терракота и проч. мною продана известному коллекционеру наших древностей г. И.Л.Конельскому в Одессе» (там же, л.17).

Гохман продолжил контакты с Археологической Комиссией, из его письма от 7 июня 1909 г. мы узнаем, что 20 мая он «оставил на благоусмотрение Комиссии разноцветную амфору и стекло с двумя лицами», оцененные им в 275 руб. Он просил дать ему ответ относительно этих вещей и хотел узнать, «намерена ли Комиссия в ближайшем будущем осмотреть эпиграфические памятники Суручана и когда именно?». Он хотел, чтобы осматривать памятники приехал член Археологической Комиссии Б.В.Фармаковский (там же, л.19).⁷

⁷ Приписано рукой вверху: «Б.Вл.»; внизу приписано: «Посылка отправлена обратно».

18 ноября 1909 г. граф А.А.Бобринский написал Министру Императорского Двора рапорт о продаже коллекции И.К.Суручана (Архив ИИМК, ф.1/1897, д.272, л.32-33), указывая, что это «замечательная коллекция южно-русских классических древностей», в которой «находится 200 больших мраморных и каменных предметов» и что нынешним летом в имение «Вадель-Воды» близ Кишинева, куда была перевезена оставшаяся часть коллекции, приезжал для ее осмотра по поручению Археологической Комиссии Б.В.Фармаковский, который по возвращении доложил, что «памятники древности не вызывают сомнений в их подлинности и большею частью удовлетворительной сохранности. Настоящая владелица коллекции О.Х.Горонович продает коллекцию за 8000 рублей, с условием оплаты в 3 года (3000, 3000 и 2000 р.)». А.А.Бобринский сообщил об отсутствии у Императорского Российского Исторического Музея в Москве и Музея Императорского Одесского Общества Истории и Древностей, которым Археологическая Комиссия предложила купить коллекцию, средств на ее покупку и ходатайствовал об отпуске Императорской Археологической Комиссии «специального кредита, всего в 8.000 рублей (два первые года по 3.000 и последний год 2.000 р.) на предмет приобретения коллекции Суручана, присовокупляя, что оценка коллекции владелицей в 8000 руб. является, по ее мнению, крайне умеренной, а условия уплаты этой суммы в течение 3-х лет весьма выгодными». По возвращении Б.В.Фармаковский составил подробный рапорт об осмотре коллекции (там же, л.26-31).

Археологическая комиссия продолжала тянуть время. И потребовала, чтобы вдова составила опись и сделала фотографии всех вещей. Из письма вдовы Бобринскому от 17 марта 1911 г. (там же, л.44-45) мы узнаем, что она ездила в Петербург и пыталась получить конкретную информацию от Археологической Комиссии о покупке коллекции покойного мужа, пыталась через Б.В.Фармаковского переговорить с Бобринским и выяснить, какие конкретные фотографии требуются от нее Археологической Комиссии, но никаких результатов вдова не добилась и конкретной информации не получила. Она обещала сфотографировать каменные вещи группами и передать фотографии Б.В.Фармаковскому с помощью своего сына. Она сообщила также, что «желательно было бы продать коллекцию греческого стекла, которого имеется несколько сот штук. Терракоты, оловянные вещи, бронзовые и бусы, несколько хуже. Осталась большая археологическая библиотека, которую на вес предлагали купить... Если бы возможно было все сразу продать, то мы были бы очень довольны». Из письма вдовы видно, что количество вещей в коллекции продолжало уменьшаться; она писала,

что «их всего 136 штук» (в других, более ранних, бумагах упоминалось 200).

На ее письмо Бобринский ответил, что «Императорская Археологическая Комиссия ввиду сделанных ею за последнее время покупок древностей, затрудняется ныне возбудить новое ходатайство о значительном ассигновании денег на приобретение собрания покойного И.К.Суручана», но будет поддерживать предложение о приобретении этой коллекции для музеев, если будет «возбуждено в этом смысле соответствующее ходатайство прошением на ВЫСОЧАЙШЕЕ Имя, или чрез Министерство Народного Просвещения, или законодательным путем» (Архив ИИМК, ф.1/1897, д.272, л.46). Т.е. вопрос о покупке решен не был.

1 июня 1911 г. вдова написала в Археологическую Комиссию о том, что если Комиссия хочет купить камни, то оплатить их можно в течение нескольких лет. Она сообщила также, что «...дней 10 тому назад отправила графу Бобринскому несколько фотографий, на которых группами сняты решительно все имеющиеся у меня камни и плиты. При них же выставлен красный аршин, чтобы дать более точное понятие об их величине. Очень надеюсь, что сыну моему передадите Ваше заключение насчет приобретения этих камней. Кстати, сняла я мерку ольвийского льва. От морды до основания хвоста 1 аршин 7 вершков длины. Одна лапа хранится у нашего посредника Гохмана» (там же, л.40-43).

17 сентября 1911 г. из письма Гохмана в Археологическую Комиссию стало известно, что вдова согласна получить оплату суммой 8000 руб. в течение восьми лет (первые два трехлетия по 3000 руб и затем 2000 руб.). Он просил упаковку и отправку принять на счет Археологической Комиссии, так как она пользуется льготной бесплатной перевозкой. «Если Археологическая Комиссия согласна, можно приступить к транспортировке камней» (там же, л.47). В конце сентября Б.В.Фармаковский пишет Гохману о денежных затруднениях и предлагает О.Х.Горонович ходатайствовать на Высочайшее Имя чрез Министерство Народного Просвещения или законодательным путем (там

же, л.48).

15 сентября 1912 г. Гохман пишет письмо в Археологическую Комиссию, спрашивая, какие условия рассрочки платежа Комиссия нашла бы удобными, и сообщает, что «владелица готова сделать все от нее возможное, чтобы богатое это собрание не ушло в чужие руки, а очутилось в Императорской Археологической Комиссии» (там же, л.49).

15 октября 1912 г. Гохман получил письмо, написанное рукою Фармаковского за подписью Латышева, где речь шла о доставленном в Археологическую Комиссию резном камне, который не может быть приобретен, и что вопрос о приобретении коллекции будет поставлен на обсуждение в Археологической Комиссии (там же, л.50).

6 января 1913 г. Гохман послал письмо Фармаковскому, прося «раз и навсегда прояснить вопрос» и сообщая: «Бертъе-Делагард сказал мне, что Комиссия комбинирует покупку этих камней вместе с Одесским музеем» (там же, л.51). В письме из ИАК от 25 января 1913 г. Ш.Д.Гохману предлагали обратиться о приобретении камней к директору музея в Москве И.В.Цветаеву (там же, л.52).

5 февраля 1914 г. хранитель Музея древностей Херсонского края В.И.Гошкевич послал письмо Б.В.Фармаковскому о том, что Херсонская городская дума отправила ходатайство «о приобретении на государственный счет для Музея древностей Херсонского края мраморов Суручана», и что ходатайство было изложено в нескольких фразах, взятых из докладной записки Б.В.Фармаковского (там же, л.51а). Археологическая Комиссия отметила, что сейчас ей необходимо приобрести целый ряд дорогих коллекций, и она не может теперь ходатайствовать об отпуске средств на приобретение коллекции Суручана. «В виду того, что для Музея древностей Херсонского края коллекция г.Горонович представляет особенный и, можно сказать, исключительный интерес, было бы весьма желательным просить Херсонское Городское Общественное Управление возбудить ходатайство о приобретении коллекции г-жи Горонович на счет Государства для Херсонского Музея. Императорская Археологическая Комиссия с своей стороны, несомненно, поддержала бы такое ходатайство» (там же, л.55). Из ИАК было отправлено письмо к В.И.Гошкевичу, хранителю Музея древностей Херсонского края (там же, л.56).

В результате скульптура и надписи из коллекции И.К.Суручана были приобретены для Музея Древностей Херсонского края, но начавшаяся первая мировая война помешала перевозке вещей в Херсон, и это удалось сделать лишь в 1917 г.

Так, 8 января 1917 г. в Археологическую Комиссию пришло письмо от В.И.Гошкевича, хранителя Херсонского музея: «В виду изменив-

шихся военных обстоятельств честь имею покорнейше просить Императорскую Археологическую Комиссию вновь возбудить ходатайство о предоставлении товарного вагона для транспортирования от ст. Кишинев до ст. Херсон классических скульптур, приобретенных Херсонским городским управлением от наследников И.К.Суручана, причем в виду важного значения означенной коллекции для отечественной науки, не найдет ли Императорская Археологическая Комиссия ходатайствовать о бесплатной перевозке. Прошу почтить меня извещением о последующем» (Архив ИИМК, ф.1/1896, д.229, л.98).

Из Археологической Комиссии 4 сентября 1917 г. Комиссару Временного правительства над бывшим Министерством Двора было отправлено следующее обращение: «Умерший лет 20 тому назад Бессарабский землевладелец И.К.Суручан, отличаясь при жизни горячей любовью к древности, собрал постепенно в Кишиневе богатую коллекцию вещественных памятников, преимущественно из греческих колоний, процветавших некогда в южной России (Ольвии, Пантикапея и др.). Значительную часть коллекции составляют памятники скульптурные и эпиграфические камни с древнегреческими и латинскими надписями. После смерти Суручана коллекция оставалась во владении его наследников и была перевезена из Кишинева в им.Салганы. Года два тому назад упомянутая скульптурная и эпиграфическая часть коллекции была приобретена для музея древностей Херсонского края, но по военным обстоятельствам по настоящее время не могла быть доставлена в Херсон.

Археологическая Комиссия, интересуясь судьбою этой коллекции и признавая в настоящее время, в виду угрожающего Бессарабии нашествия неприятеля, более чем когда-либо, необходимым скорейший вывоз коллекции (весающей до 1000 пудов) в Херсон и водворение в музей древностей, покорнейше просит Вас, Г.Комиссар, не признаете ли Вы возможным войти в сношение с Министерством путей сообщения о предоставлении хранителю музея Виктору Ивановичу Гошкевичу одного вагона от Кишинева или от Бендер до Херсона (из Салган до Кишинева коллекция могла бы быть доставлена на подводах, а до Бендер — водою по Днестру)» (Архив ИИМК, ф.1/1896, д.229, л.107).

Т.е. у Херсонского музея были трудности сначала с приобретением, а потом с доставкой приобретенной части коллекции Суручана.

По-видимому, часть вещей из музея И.К.Суручана попала в коллекцию Ф.Л.Ганса, которая сейчас хранится в Государственных музеях Берлина, но с вещами из коллекции И.К.Суручана можно отождествить только одну из них — деревянный гребень в футляре в надписью KURIAAI DWRON, который вошел под №37 в книгу «Inscriptiones Graecae et Latinae novissimis annis

(1889-1894) museo Surutschaniano quod est Kischinevii inlatae» (Сокольский 1971: 141-142, прим.479-482, ил. XVII 7-9).

В 1909 г. известными учеными Б.А.Тураевым, Н.П.Лихачевым и другими лицами были куплены египетские древности из коллекции И.К.Суручана, которые он приобрел в 1895 г. в Египте, в Каире, Файюме. Среди этих вещей каменные и деревянные статуи, каменные стелы, сосуды из алебаstra и пасты, папирусы, бусы, фаюмские портреты (Тураев 1913: VII-IX).

Однако история коллекции на этом не закончилась. В 1938 г. в Эрмитаж поступило собрание академика Н.П.Лихачева, и в нем оказалось 8 фрагментированных надписей, некогда находившихся в музее И.К.Суручана в Кишиневе (инв.№№ А 1254-1256, 1261, 1262, 1265,1272, 1277; они изданы: IPE, I 60с, 157, 185а, 266, 284, 306, 307; ВСН, XVIII, р.334-335, №2). Эти надписи были приобретены Н.П.Ли-

хачевым перед 1-й мировой войной у антикара в Петербурге. Как удалось выяснить в Санкт-Петербургском Архиве Российской Академии Наук в бумагах о происхождении, составе и определении предметов из коллекции академика Н.П.Лихачева (ф.246, оп.2, д.136) некоторые вещи из его коллекции раньше входили в коллекцию Суручана: «глиняная рукоятка с головой барана» (л.35), «мраморный обломок с курсивом» (л.112), «камень из коллекции Суручана с поддельными круглыми монограммами» (л.118), «сомнительная надпись», «обломки стойхедона», «обломок строительного посвящения III в.», «обломок с именами», «обломок декрета почетного», «обломок с цифрами (от пифоса), вероятно, из Ольвии», «обломок с именем Юлиана из Ольвии» (л.128,129).

К сожалению, до нас дошли лишь осколки богатого собрания И.К.Суручана, которое постигла печальная участь.

ЛИТЕРАТУРА

- Беккер П.В. 1879. О надписях на ручках греческих амфор из собрания И.К.Суручана // ЗООИД, XI. Одесса. С. 13-50.
- Власова Е.В. 1996. Эрмитаж и судьба коллекции И.К.Суручана // Эрмитажные чтения памяти В.Ф.Левинсона-Лессинга. Краткое содержание докладов. СПб.
- Власова Е.В. 1998. Музей И.К.Суручана в Кишиневе (судьба коллекции) // Жебелевские чтения. I. Тезисы докладов. СПб.
- Маркевич А.И. 1900. И.К.Суручан // ЗООИД XXII.
- Суручан И.К. 1882. Реферат об ольвийской псефиз-

ме в честь Харзоаза (Транскрипция надписи с латинским переводом) // Труды Киевской Духовной Академии, май, №5. Киев.

Суручан И.К. 1888. Опыт доказательств местонахождения скифского укрепления Алектора и Золотого Берега Константина Багрянородного // Труды VI Одесского археологического съезда. Т. 2. Одесса.

Тураев Б.А. 1913. О некоторых египетских древностях из бывшей коллекции Суручана // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества. СПб.